

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
6 September 2021
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 807/2017* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Х и Y (не представлены адвокатом) ¹
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата сообщения:</i>	27 сентября 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 21 февраля 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата настоящего решения:</i>	19 июля 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	высылка в Исламскую Республику Иран
<i>Процедурные вопросы:</i>	–
<i>Вопросы существа:</i>	опасность подвергнуться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в случае высылки в страну происхождения
<i>Статья Конвенции:</i>	3

1.1 Заявителями являются Х, гражданка Ирана, родившаяся 21 мая 1987 года, и ее отец Y, также гражданин Ирана, родившийся 21 марта 1950 года. Х и Y прибыли в Швейцарию соответственно 31 октября 2011 года и 15 ноября 2011 года и подали свои ходатайства о предоставлении убежища в день прибытия. Их ходатайства о предоставлении убежища были отклонены 8 августа 2014 года. Затем заявители подали апелляцию в Федеральный административный суд, но и она была отклонена 26 ноября 2015 года. Их последние апелляции были отклонены 7 июля 2016 года. Заявители, в отношении которых было принято решение о высылке в Исламскую Республику Иран, считают, что такая высылка станет нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции. Швейцария сделала заявление по статье 22 (п. 1)

* Принято Комитетом на его семьдесят первой сессии (12–30 июля 2021 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Клод Эллер, Эрдоган Искан, Лю Хуавэнь, Ильвия Пуце, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе, Бахтияр Тузмухамедов и Петер Ведель Кессинг.

¹ Впоследствии заявители привлекли адвоката. Последний адвокат отозвал доверенность 19 апреля 2021 года.

Конвенции 2 декабря 1986 года. Заявители не были представлены адвокатом во время первоначального представления, но впоследствии привлекли адвоката.

1.2 21 февраля 2017 года в соответствии с правилом 114 своих правил процедуры Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от высылки заявителей в Исламскую Республику Иран, пока их жалоба находится на рассмотрении. 24 февраля 2017 года Швейцария удовлетворила просьбу не предпринимать никаких шагов для исполнения решения о высылке заявителей.

Факты в изложении заявителей

2.1 X родилась в Тегеране. После развода родителей, с двухлетнего возраста, она жила со своим отцом, Y, не поддерживая никаких контактов с матерью. Y повторно не женился. Во время одного из посещений своей тети Керманшахе, городе, расположенном недалеко от иракской границы, X познакомилась со своим женихом Рамином, семья которого имеет курдские корни. Отец ее жениха был убит после исламской революции, а его мать из-за постоянных угроз покинула курдский регион и переехала в Керманшах. Эти события подтолкнули жениха X к тому, чтобы заняться оказанием гуманитарной помощи курдам в приграничном районе. С пониманием относясь к деятельности своего жениха, X вместе с Y совершила несколько поездок в этот район для доставки в общину благотворительной помощи — одежды, денег и других вещей, собранных у друзей. Идя на риск, X надлежащим образом документировала свою деятельность, в том числе с помощью фотографий, в частности в целях сбора средств среди друзей и знакомых.

2.2 Во время своей последней поездки в Керманшах X остановилась у матери своего жениха, пока он и его друзья занимались распределением помощи и пожертвований. Однажды вечером во время семейного ужина в дверь позвонил друг ее жениха, и он вышел поговорить с ним. Когда ее жених был на улице, в дверь снова позвонили. Полагая, что это ее жених, X открыла дверь, не проверив личность посетителя через домофон. Вошли четверо-пятеро незнакомых мужчин и двое женщин. Когда Y попросил их представиться, они ударили его.

2.3 Нападавшие сразу же завязали глаза всем присутствующим, надели на них наручники и стали избивать и оскорблять их. Затем их посадили в машину и велели пригнуться. X доставили в камеру, где, по ее оценке, в течение пятнадцати-шестнадцати дней ее допрашивали о поставках оружия курдам для свержения иранского правительства. Ее неоднократно избивали, оскорбляли и насиловали несколько мужчин. После пыток, удушения мокрым мешком, одетым на голову, и длительного нахождения в замкнутом помещении X была вынуждена подписать письменное признание. После этого ее вывезли с объекта, где она содержалась под стражей, и оставили в неизвестном месте. Благодаря прохожему, ей удалось добраться до матери ее жениха. Через несколько дней был освобожден и Y, который находился под стражей в заключении около двадцати дней.

2.4 Когда X снова увидела своего жениха, который сбежал, увидев мужчин возле дома, он сказал ей, что ему придется спрятаться, и попросил у нее дневник и USB-накопитель с отчетами и фотографиями, сделанными ею во время поездок в курдские регионы. Впоследствии X узнала, что ее жених был арестован, что в доме его матери был проведен обыск и что ее USB-накопитель был изъят.

2.5 Мать жениха настаивала на том, чтобы заявители немедленно покинули страну. С помощью контрабандиста X покинула Исламскую Республику Иран и направилась в Европу через Турцию, а Y присоединился к ней в Швейцарии через несколько недель. X подала ходатайство о предоставлении убежища 31 октября 2011 года, и 11 ноября 2011 года она прошла собеседование в Федеральном миграционном

управлении². Y подал свое ходатайство о предоставлении убежища 15 ноября 2011 года и прошел собеседование 13 декабря 2011 года.

2.6 Второе собеседование в Федеральном миграционном управлении у X состоялось 3 сентября 2013 года. К сожалению, без психотерапии, которую она начала получать в Швейцарском Красном Кресте только 21 ноября 2013 года³, X не смогла во время второго собеседования упомянуть все аспекты своего содержания под стражей, включая изнасилование. 8 августа 2014 года Управление отклонило ее ходатайство о предоставлении убежища, не дав ей возможности еще раз дать показания, несмотря на просьбу ее психиатра⁴. Комиссия объяснила, что она признает тот факт, что X страдает от посттравматического стрессового расстройства, но не считает, что ее состояние вызвано жестоким обращением, которое она описала. Более того, утверждения X не были признаны правдоподобными; Управление сочло, что ее описание своих поездок в курдский регион было расплывчатым и стереотипным, ее письменные отчеты о поездках — противоречивыми, а пояснения к событиям, предшествовавшим ее аресту, заставляли усомниться в ее честности. Кроме того, по мнению Управления, X не смогла убедительно объяснить и описать условия своего содержания под стражей и методы допроса, которым она подвергалась.

2.7 Кроме того, Федеральное миграционное управление получило 10 июня и 17 сентября 2013 года два анонимных письма, в которых заявители обвинялись в том, что они представлялись швейцарским властям под вымышленными именами — г-жи Газаль Тарик и г-на Эбрагим Тарик. В этих письмах утверждалось, что у X есть в Швейцарии сестра (дочь Y), что X и Y въехали в Швейцарию по визам, чтобы навестить ее, и что после этого они выехали во Францию, а затем вернулись в Швейцарию, чтобы просить убежища⁵. Из-за анонимного характера этих писем заявители опасаются, что они являются делом рук иранских спецслужб.

2.8 4 сентября 2014 года, запросив возможность дополнить свои показания, X была вновь заслушана Федеральным миграционным управлением. В этот раз она также не смогла подробно рассказать все, что с ней произошло.

2.9 9 сентября 2014 года тогдашний адвокат X подал апелляцию в Федеральный административный суд и, в частности, потребовал, чтобы X была допрошена по вопросам, на которые она еще не ответила. Что касается анонимных писем, то после того, как суд получил апелляцию заявителей, он связался с посольством Швейцарии в Исламской Республике Иран, чтобы получить полные досье визовых заявлений, поданных лицами, упомянутыми в письмах. В ответе от 10 декабря 2014 года посольство заявило, что досье за 2011 год были уничтожены. Поэтому суд обратился к семье Ройсер, которая, согласно письмам, предоставила жилье заявителям. Суду

² Федеральное миграционное управление было преобразовано в Государственный секретариат по миграции 1 января 2015 года.

³ Психотерапевт X написал подробный медицинский отчет, который был представлен в Федеральное миграционное управление 3 июля 2014 года и в котором разъяснялась процедура лечения, а также симптомы посттравматического стрессового расстройства, которым страдала X: поведенческие отклонения, влияние на сон, расстройство психики, неспособность говорить об изнасиловании, боязнь мужчин, использование антидепрессантов и попытки самоубийства.

⁴ 8 августа 2014 года Федеральное миграционное управление отклонило ходатайство Y о предоставлении убежища.

⁵ В этих письмах говорится, что супружеская пара, г-н и г-жа Ройсер, пригласили и приняли у себя Эбрагима Тарика и его дочь Газаль Тарик, которые с 24 июня 2011 года проживали в их доме в Веве. Г-жа Ройссер представила их как своих дядю и племянницу. В письмах утверждается, что эти двое сделали вид, что возвращаются в Исламскую Республику Иран, но на самом деле пробыли два дня во Франции, после чего вернулись в Швейцарию, в Лютри, где скрывались в течение пяти месяцев у Гольназ Тарик, которая, согласно второму письму, на самом деле приходится Эбрагиму Тарику дочерью. Кроме того, в письмах утверждается, что Газаль Тарик впоследствии посетила регистрационно-процедурный центр в Валлорбе и подала там свое ходатайство о предоставлении убежища под именем X; Эбрагим Тарик вскоре после этого якобы посетил тот же центр, чтобы подать ходатайство о предоставлении убежища под именем Y. Во время собеседований 3 и 4 сентября 2013 года заявителей спрашивали, знают ли они Эбрагима Тарика и Газаль Тарик, и они ответили отрицательно.

было заявлено, что люди, упомянутые в письмах, проживали у другого человека, Гольназ Тарик.

2.10 После обращения к Гольназ Тарик Федеральный административный суд узнал, что ее мать носит такую же фамилию и имя (с небольшими отличиями в написании, вызванными, по мнению государства-участника, простой разницей в транскрибировании) и имеет ту же дату рождения, что и мать X и бывшая супруга Y. В своем ответе от 10 июля 2015 года Гольназ Тарик подтвердила, что в 2011 году ее отец и сестра проживали у нее и что она проводила их до аэропорта. Кроме того, по мнению суда, ответы X на вопросы о Газали Тарик дают веские основания полагать, что она представлялась под этим именем двум людям, с которыми познакомилась в Швейцарии. Оспаривая обвинения в том, что они выдавали себя за других людей, заявители предложили пройти анализ ДНК; однако, несмотря на просьбу Трибунала, Гольназ Тарик отказалась дать свое согласие на проведение анализа.

2.11 Федеральный административный суд окончательно отклонил апелляцию 26 ноября 2015 года, постановив, что изложение событий заявителями не является ни убедительным, ни правдоподобным, не в последнюю очередь из-за отсутствия подробностей о пережитых пытках и расплывчатости представленной информации. X утверждает, что суд не изучил анонимные письма должным образом и что они являются необоснованными. Трибунал также упустил из виду тот факт, что жертвы пыток, страдающие от посттравматического стресса, часто не могут заставить себя рассказать о травмировавших их событиях, особенно в контексте собеседований и без помощи психотерапии. По этой причине X считает, что швейцарские власти и суды недостаточно основательно изучили их утверждения и представленные доказательства. Несмотря на это, отклонив апелляцию, суд оставил в силе постановление о высылке заявителей.

2.12 В апреле 2016 года подруга X посетила Исламскую Республику Иран и смогла найти и привезти водительское удостоверение X, позволяющее установить и подтвердить ее личность. 7 июля 2016 года Федеральный административный суд, в который обратилась X, постановил, что водительское удостоверение не подтверждает личность X и что, кроме того, вопрос о ее личности не является единственной причиной отклонения ходатайства о предоставлении убежища.

2.13 27 сентября 2016 года заявители представили свое сообщение в Комитет с просьбой принять временные меры с учетом их предстоящей высылки в Исламскую Республику Иран.

Жалоба

3.1 Заявители утверждают, что им угрожает опасность подвергнуться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в случае возвращения в Исламскую Республику Иран, поскольку они уже были арестованы и подвергнуты пыткам в июне 2011 года за оказание помощи курдскому населению. Они считают, что такая высылка будет представлять собой нарушение Швейцарией своих обязательств по статье 3 Конвенции.

3.2 Заявители также опасаются, что они будут вновь задержаны и заключены под стражу, поскольку в распоряжении иранских властей имеется вся информация, касающаяся X, изъятая в доме ее жениха, а именно ее USB-накопитель, фотографии, которые она сделала, и статьи, которые она написала. Кроме того, они ссылаются на ситуацию с правами человека в Исламской Республике Иран и на отношение иранских властей с курдами, живущими у границы с Ираком. В этом контексте иранские власти рассматривают гуманитарную помощь, оказываемую заявителями курдской общине, как политическую деятельность.

3.3 Кроме того, заявители считают, что государство-участник не изучило должным образом показания X о пережитом сексуальном насилии, включая изнасилование, проигнорировав тот факт, что жертвы пыток, страдающие от посттравматического стресса, часто не могут заставить себя рассказать о травмировавших их событиях, и что оно основывало свои решения на ошибочной информации, содержащейся в двух анонимных письмах от 10 июня и 17 сентября 2013 года, в которых заявителей

обвиняли в том, что в швейцарских органах власти и судах они использовали вымышленные имена. Заявители добиваются права в полной мере быть заслушанными по этим вопросам, оспаривая процедуру в Федеральном миграционном управлении, которое теперь именуется Государственным секретариатом по миграции, и в Федеральном административном суде.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

4.1 16 августа 2017 года государство-участник представило свои замечания по существу жалобы, не оспаривая ее приемлемость.

4.2 Государство-участник считает, что в целом утверждения заявителей не отличаются последовательностью и достоверностью, в частности, что касается деятельности в интересах курдов, живущих в бедности (сбор одежды и денег у друзей и распределение этих пожертвований при посещении региона, где проживают курды), задержания, сексуального насилия, включая изнасилование, которому подверглась X во время содержания под стражей, утверждений X о том, что она слышала, как упала мать ее жениха, когда она находилась с завязанными глазами, занесения в медицинское заключение фактов, о которых она не рассказывала во время собеседований, и вопросов к ее личности. Что касается утверждений о том, что Федеральный административный суд опирался в основном на анонимные сообщения о том, что у X есть сестра, проживающая в Швейцарии, государство-участник заявляет, что это так и не было подтверждено, поскольку предполагаемая сестра отказалась пройти тест на ДНК. Кроме того, заявители не смогли подтвердить свою личность, поскольку швейцарские власти не признают водительские права или школьные аттестаты в качестве документов, удостоверяющих личность.

4.3 Федеральный административный суд отметил, что недоверие к заявителям сохраняется и в связи с их поведением, когда речь идет о предъявлении документов, удостоверяющих личность. Во время первого собеседования Y заявил, что его документы забрал проводник, в то время как согласно его показаниям в ходе второго собеседования, документы были изъяты у него при задержании, и он передал проводнику только свидетельство о рождении. В своих замечаниях от 1 июня 2015 года заявители якобы утверждали, что они не смогут получить удостоверяющие личность документы в Исламской Республике Иран, хотя в приложении они представили пространное электронное письмо от бывшего работодателя X, к которому прилагалось недавно выданная справка с места работы.

4.4 Что касается просьбы X о проведении очной ставки с ее предполагаемой сестрой, Федеральный административный суд посчитал, что это никак не поможет опровергнуть имеющиеся доказательства. Более того, Гольназ Тарик никогда не оспаривала факт своего родства с заявителями, даже когда суд запросил ее согласие на предоставление образца ДНК. Учитывая все эти элементы, суд пришел к выводу, что утверждения заявителей о возможности подвергнуться пыткам в случае высылки не заслуживают доверия.

4.5 1 июля 2016 года заявители обратились в Федеральный административный суд с ходатайством о пересмотре дела. Свое ходатайство они подкрепили документами, доказывающими, что утверждения о том, что на самом деле их зовут Эбрагим Тарик и Газаль Тарик, являются ложными. Следственный судья вынес промежуточное решение 7 июля 2016 года, отклонив просьбу заявителей о предоставлении юридической помощи; он счел поданную авторами просьбу о пересмотре дела не имеющей шанса на успех и предложил авторам внести аванс в размере 1600 швейцарских франков на покрытие процессуальных издержек, в отсутствие которого их ходатайство будет признано неприемлемым. Авторы не внесли аванс в установленные сроки. В результате суд отказал им в рассмотрении ходатайства. Таким образом, в свете статьи 3 Конвенции, а также юридической практики Комитета и его замечаний общего порядка государство-участник считает решения национальных органов власти обоснованными.

4.6 Государство-участник напоминает те элементы, которые нужно принимать во внимание при оценке «личной, реальной и серьезной» опасности подвергнуться

пыткам или жестокому обращению в случае возвращения в страну происхождения: доказательства наличия постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в стране происхождения⁶; сообщения о применении в недавнем прошлом пыток или жестокого обращения, а также доказательства из независимых источников, подтверждающие эти утверждения; политическую деятельность заявителей на территории или за пределами страны происхождения; доказательства, подтверждающие достоверность утверждений заявителей; и фактические неувязки в утверждениях заявителей.

4.7 Что касается существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, государство-участник отмечает, что само по себе это не является достаточным основанием полагать, что тому или иному лицу будет угрожать применение пыток в случае его возвращения в страну происхождения. Комитет должен установить, будет ли заявителям «лично» угрожать опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую они будут высланы⁷. Чтобы квалифицировать угрозу применения пыток по смыслу пункта 1 статьи 3 Конвенции как «предсказуемую, реальную и личную», необходимы дополнительные основания⁸. При оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений⁹.

4.8 Хотя ситуация в Исламской Республике Иран вызывает обеспокоенность, государство-участник не считает, что обстановка в стране в настоящее время характеризуется повсеместным применением насилия; кроме того, ситуация в стране происхождения сама по себе не может служить достаточным основанием для того, чтобы сделать вывод, что в случае возвращения заявители столкнутся с угрозой пыток. По мнению государства-участника, заявители в любом случае не продемонстрировали, что они подвергаются такой угрозе. Кроме того, государство-участник считает, что утверждения о том, что X подвергалась пыткам или жестокому обращению и содержалась под стражей, не заслуживают доверия; в ее медицинском заключении нет никаких доказательств жестокого обращения с ней. Более того, нет никаких сведений о политической деятельности заявителей в Исламской Республике Иран, несмотря на все заявления о гуманитарной деятельности в пользу курдов, сделанные в швейцарских судах и Комитете, или о политической деятельности против Исламской Республики Иран в Швейцарии.

4.9 Государство-участник считает, что заявители не обосновали свои утверждения о преследованиях в Исламской Республике Иран. Оно отмечает, что все выдвинутые аргументы относительно угрозы преследований в этой стране были подробно оценены швейцарскими властями. Следует подчеркнуть, что сообщение заявителей не содержит никаких новых элементов или доказательств. Поэтому в данном сообщении Комитет сталкивается с делом, которое уже стало предметом всестороннего юридического анализа со стороны швейцарских официальных органов, специализирующихся на подобных делах. Государство-участник также напоминает о практике Комитета, согласно которой оценка фактов и доказательств в конкретном деле возлагается на суды государств — участников Конвенции. В частности, Комитету надлежит оценивать факты и доказательства в конкретном деле только в тех случаях, когда установлено, что оценка таких фактов и доказательств носила явно произвольный характер или сводилась к отказу в правосудии¹⁰. В рассматриваемом деле представленные заявителями доказательства не позволяют говорить о том, что при рассмотрении дела государство-участник допустило такие нарушения. Последнее замечание относится, в частности, к утверждению о том, что Федеральный административный суд в основном опирался на два анонимных письма, согласно которым у X имеется сестра, проживающая в Швейцарии: авторы этих писем известны

⁶ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 47 (2017), пп. 26 и 28.

⁷ *К. Н. против Швейцарии* (CAT/C/20/D/94/1997), п. 10.2.

⁸ Там же, п. 10.5; и *Дж. У.А. против Швейцарии* (CAT/C/21/D/100/1997), пп. 6.3 и 6.5.

⁹ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 1 (1997), п. 6, заменено с 6 декабря 2017 года замечанием общего порядка № 4 Комитета.

¹⁰ *Х. А. М. О. и др. против Канады* (CAT/C/40/D/293/2006), п. 10.5, и *Ктити против Марокко* (CAT/C/46/D/419/2010), п. 8.7.

швейцарским властям, но их личности по понятным причинам не были раскрыты заявителям; указанные письма заставили суд провести дополнительное исследование для уточнения фактов; заявители имели доступ к материалам дела и могли представить суду свои замечания; и, что более важно, отклонение ходатайств заявителей о предоставлении убежища было основано на причинах, не связанных с их личностью.

4.10 Таким образом, по мнению государства-участника, ничто не указывает на существование серьезных оснований полагать, что заявителям будет лично угрожать конкретная опасность применения пыток в случае их возвращения в Исламскую Республику Иран. Утверждения заявителей и средства доказывания не позволяют считать, что их высылка создаст для них реальную, конкретную и личную опасность подвергнуться пыткам. В этой связи государство-участник утверждает, что, выслав заявителей в Исламскую Республику Иран, оно не нарушит своих международных обязательств в соответствии со статьей 3 Конвенции.

Комментарии заявителей к замечаниям государства-участника

5.1 31 августа 2018 года заявители представили комментарии к замечаниям государства-участника.

5.2 По существу дела заявители утверждают, что государство-участник отводит центральную роль второму собеседованию с X, упрекая ее в том, что ее разъяснения содержат мало деталей и являются нелогичными или даже противоречивыми. Они отмечают, что второе собеседование длилось целый день и проводилось с переводчиком на персидский язык. Учитывая, что первое анонимное письмо, в котором X¹¹ и Y обвиняются в том, что они выступали под чужими именами, было получено Федеральным миграционным управлением в июне 2013 года, второе собеседование с X в Управлении проходило 3 сентября 2013 года в атмосфере недоверия. Хотя память X могла иногда подводить ее, особенно что касается болезненных воспоминаний, как это часто бывает с жертвами, страдающими от посттравматического стресса, она утверждает, что добросовестно пыталась как можно лучше ответить почти на 200 вопросов, которые задала ей сотрудница Управления, и что она была готова дать необходимые разъяснения, если от нее потребовалась бы дополнительная информация. Заявители отмечают, что сотрудница производила впечатление человека, которого мало интересовали ответы X, кроме ответов на два последних вопроса, связанных содержащимися в анонимных письмах обвинениями, к которым она вдруг проявила повышенный интерес и которыми она осталась крайне недовольна.

5.3 Более того, второе отправленное письмо с доносом повторяет почти слово в слово содержание первого письма. Хотя Федеральное миграционное управление утверждает, что принимало решение на основании не только этих писем, а всех элементов, заявители отмечают, что получение этих писем стало, тем не менее, поворотной точкой в процедуре.

5.4 На протяжении всего процесса заявители также неоднократно проявляли готовность к сотрудничеству. X неоднократно просила назвать личности авторов писем с доносами, чтобы она могла лучше ответить на них, предлагала пройти тест ДНК, чтобы помочь установить ее личность и доказать, что она не является родственницей человека, считающегося ее предполагаемой сестрой, которая от прохождения такого теста отказалась. Несмотря ни на что X продолжала настаивать и пыталась убедить этого человека пройти тест, обратившись к ней лично. Рассмотрев дело предвзято, швейцарские власти посчитали, что утверждения заявителей не заслуживают доверия, и отказали им в предоставлении убежища.

5.5 Что касается правдоподобности их рассказа, заявители утверждают, что все возможные противоречия или неточности, которые были выявлены властями, имеют логичное объяснение. Как это часто бывает с жертвами посттравматического стресса, X сказала, что не может вспомнить точное количество поездок, которые она совершила в курдский регион. На просьбу сотрудницы Федерального миграционного управления

¹¹ Предполагаемое имя X — Газаль Тарик.

назвать точное количество поездок, X ответила, что посещала этот регион четыре или пять раз.

5.6 Что касается эпизода с задержанием, X считает, что ее неправильно поняли. Действительно, дом находился под постоянным наблюдением. Однако X хотела сказать, что ее жених не сбежал, а вышел до прибытия сотрудников силовых структур по другой причине. Это звучит вполне правдоподобно, учитывая, что дом находился под наблюдением в течение нескольких дней и что сотрудники силовых структур прибыли не сразу. X просто сделала вывод, основываясь на своей оценке фактов.

5.7 Более того, в том, что X слышала, когда она находилась с завязанными глазами, как мать ее жениха упала, нет ничего странного, поскольку человек с завязанными глазами может слышать и узнать голос падающего человека. Заявители считают, что в этом утверждении нет ничего абсурдного.

5.8 Дневник X также вызвал споры. Несколько раз X объясняла, что она вела свой дневник от первого лица от руки, добавляя в него для иллюстрации напечатанные фотографии, в том числе свои фотографии и фотографии отца, на которых их можно было узнать. Время от времени она сканировала свой дневник и переносила его на USB-накопитель, который впоследствии забрал ее жених. Более того, когда ее жених был арестован, этот USB-накопитель был при нем. Кроме того, находясь в Швейцарии, X не пыталась узнать о судьбе своего жениха в интересах его безопасности. Она отмечает, что такое поведение вполне типично для просителей убежища. Единственный человек, о котором она наводила справки, был ее отец.

5.9 Помимо этого, различные медицинские заключения, представленные X, подтверждают, что она подвергалась жестокому обращению в Исламской Республике Иран. X так и не смогла установить доверительные отношения со своим первым терапевтом, и ее лечение не было оптимальным; в результате во время собеседования она не смогла донести необходимую информацию из-за посттравматического стрессового расстройства, от которого страдает до сих пор. Вследствие этого после второго собеседования X совершила попытку самоубийства. Что касается утверждения государства-участника о том, что, хотя симптомы посттравматического стресса не вызывают сомнений, его реальные причины отличаются от тех, которые приводит X, последняя отмечает, что государство-участник не объясняет, на каких источниках информации оно основывает этот вывод. Она утверждает, что швейцарские власти явно неверно оценили факты дела заявителей, что привело к отклонению их ходатайства о предоставлении убежища.

5.10 Наконец, по вопросу политической деятельности или, скорее, политических взглядов, швейцарские власти, включая Федеральное миграционное управление, посчитали, что поставки помощи курдам заявителями не были результатом политических убеждений. Несмотря на это, заявители утверждают, что, даже если они оказывали поддержку, руководствуясь не политическими идеалами, оценка такой поддержки подразумевает либо признание политических взглядов, либо приписывание существования политических взглядов правительством. Ввиду постоянно растущей напряженности между Исламской Республикой Иран и курдскими меньшинствами, любая помощь курдам, даже нейтральная, гуманитарная и филантропическая, воспринимается иранским правительством как предательство родины и, следовательно, как политическая деятельность, а также как основание для преследования, что оправдывает предоставление статуса беженца в соответствии с современным толкованием международного права. Поэтому заявители считают, что швейцарские власти неправильно оценили факты, что привело к нарушению правовых норм.

5.11 3 октября 2018 года адвокат заявителей от имени амбулаторной клиники Швейцарского Красного Креста для жертв пыток и войны в Берне выразил обеспокоенность по поводу планируемого закрытия центра коллективного размещения беженцев, где заявители должны были находиться до конца октября 2018 года. Адвокат просил не переводить их в другие коллективные места проживания, поскольку это серьезно усугубило бы медицинские и психиатрические проблемы заявителей, которые страдают от сложных травм и деменции (копии

медицинских заключений прилагаются). Заявители считают разумным и уместным предложение разместить их в квартире для инвалидов.

Дополнительная информация, полученная от заявителей

6. 3 мая 2021 года заявители обратились с просьбой сообщить, когда по ним будет принято окончательное решение, а также предоставили обновленную информацию о состоянии своего здоровья.

Дополнительные замечания государства-участника

7. 5 мая 2021 года государство-участник сообщило, что у него нет дополнительных замечаний.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, представленной в сообщении, Комитет должен установить, является ли оно приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

8.2 Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 5 б) статьи 22 Конвенции он не может рассматривать никаких сообщений от кого бы то ни было, если не убедится, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Это правило не действует в тех случаях, когда эта процедура неоправданно затягивается или вряд ли окажет предполагаемой жертве эффективную помощь по итогам проведения справедливого судебного разбирательства¹². Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник не оспаривало ни тот факт, что заявители исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, ни приемлемость сообщения по другим критериям.

8.3 В отсутствие любого другого вопроса о приемлемости сообщения Комитет объявляет его приемлемым, поскольку в нем поднимаются вопросы в связи со статьей 3 Конвенции и поскольку факты и мотивы требований заявителей были надлежащим образом обоснованы¹³, и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами.

9.2 В данном случае перед Комитетом встает вопрос о том, станет ли высылка заявителя в Исламскую Республику Иран нарушением предусмотренного в статье 3 Конвенции обязательства государства-участника не высылать или не возвращать («refouler») какое-либо лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

9.3 Комитет должен определить, существуют ли достаточные основания полагать, что лично заявителю будет угрожать опасность применения пыток после возвращения в Исламскую Республику Иран. При оценке такой опасности Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, вытекающие из пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека¹⁴. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли данному лицу лично угрожать

¹² Комитет против пыток, замечание общего порядка № 4, п. 34.

¹³ *К. А. и др. против Швеции* (CAT/C/39/D/308/2006), п. 7.2.

¹⁴ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 4, п. 43.

предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, возвращению в которую оно подлежит. Следовательно, наличие практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в той или иной стране не является само по себе достаточным основанием для вывода о том, что соответствующему лицу будет угрожать применение пыток при возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. В свою очередь, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает того, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела. Комитет отмечает, что, поскольку Исламская Республика Иран не является участником Конвенции, в случае нарушения прав заявителей по Конвенции в этом государстве они будут лишены юридической возможности обратиться в Комитет с просьбой о той или иной защите¹⁵.

9.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017), согласно которому, во-первых, обязательство невозвращения возникает всякий раз, когда существуют «серьезные основания» полагать, что то или иное лицо может подвергнуться пыткам в государстве, куда оно должно быть выслано, будь то в личном качестве или в составе группы, которая может подвергнуться пыткам в принимающем государстве, и, во-вторых, Комитет обычно считает, что «серьезные основания» существуют всякий раз, когда угроза применения пыток является «предсказуемой, личной, непосредственной и реальной»¹⁶. Комитет также напоминает, что именно автор сообщения обязан представить убедительные аргументы, т. е. подробные сведения, позволяющие установить, что опасность подвергнуться пыткам является предсказуемой, личной, непосредственной и реальной. Однако в случаях, когда ситуация автора не позволяет ему представить подробности своего дела, бремя доказывания перекладывается на соответствующее государство-участник, и тогда уже оно должно проанализировать утверждения автора и проверить информацию, на которой основано его сообщение¹⁷. Комитет придает значительный вес выводам, сделанным органами соответствующего государства-участника; в то же время он не считает себя связанным такими заключениями и свободно оценивает представленную ему информацию в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу¹⁸.

9.5 В данном случае Комитет принимает к сведению аргумент заявителей о том, что в случае их высылки в Исламскую Республику Иран они будут признаны предателями за оказание гуманитарной помощи курдскому населению в Исламской Республике Иран, и в этой связи они рискуют вновь подвергнуться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он также отмечает, что заявители опасаются, что документы, иллюстрирующие их деятельность и найденные иранскими властями, могут усугубить их положение и что их помощь может быть воспринята как политическая деятельность с точки зрения иранского правительства. Комитет также отмечает, что, по мнению заявителей, государство-участник не изучило должным образом показания X о сексуальном насилии, которому она предположительно подверглась, не приняв во внимание тот факт, что жертвы пыток, страдающие от посттравматического стресса, часто не могут заставить себя рассказать о травмировавших их событиях, и что оно основывало свои решения на ошибочной информации, содержащейся в двух анонимных письмах от 10 июня и 17 сентября 2013 года, в которых заявители обвиняются в использовании ложных личных данных.

9.6 Комитет отмечает, что швейцарские власти сочли расплывчатой информацию о деятельности по распределению помощи и количестве поездок, совершенных заявителями в курдский регион, и, в частности, обратили внимание на то, что X не могла с уверенностью указать, сколько раз ее сопровождал отец. Он также отмечает, что Федеральное миграционное управление впоследствии сочло рассказы X о помощи

¹⁵ *Тахмуреси против Швейцарии* (CAT/C/53/D/489/2012), п. 7.7; и *Д. Р. против Швейцарии* (CAT/C/63/D/673/2015), п. 7.2.

¹⁶ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 4, п. 11.

¹⁷ Там же, п. 38.

¹⁸ Там же, п. 50.

курдам, ее задержании, сексуальном насилии и условиях содержания непоследовательными и поверхностными, отчасти нелогичными и сводящимися к общеизвестной информации. Комитет далее отмечает, что, согласно оценке государства-участника: а) в ходе опросов X не сообщила ничего конкретного о своем задержании и лишь плакала, вспоминая жестокое обращение и пытки; б) по поводу своего дневника X представила расплывчатую и противоречивую информацию, и иранским властям будет сложно понять, кому принадлежит дневник, так как имя X в нем прямо не упоминалось; в) X добавила в свое медицинское заключение факты, которые она не упоминала на собеседовании; г) медицинские заключения, свидетельствующие о том, что X страдает посттравматическим стрессовым расстройством, в данном деле значения не имеют, поскольку ничто не доказывает, что это расстройство стала результатом тех преследований, которым она якобы подверглась; д) рассказы Y о гуманитарной помощи, задержании и содержании под стражей не выглядят неправдоподобными; е) не было ничего сказано ни о политической деятельности заявителей в Исламской Республике Иран, ни об их политической деятельности против Исламской Республики Иран в Швейцарии; ж) утверждения заявителей о том, что швейцарские власти в основном опирались на анонимные доносы, согласно которым у X есть сестра, проживающая в Швейцарии, так и не нашли подтверждения, поскольку предполагаемая сестра отказалась пройти тест на ДНК; з) Гольназ Тарик никогда не оспаривала, что она является родственницей заявителей; и) заявители не смогли подтвердить свою личность; л) доверию к заявителям не способствовало и их поведение, когда речь зашла о предъявлении документов, удостоверяющих личность.

9.7 Комитет напоминает, что он должен определить, угрожает ли заявителям в настоящее время опасность подвергнуться пыткам в случае их высылки в Исламскую Республику Иран. Он отмечает, что заявители неоднократно имели возможность обосновать и уточнить свои утверждения в Федеральном миграционном управлении (ныне Государственный секретариат по миграции) и Федеральном административном суде, но представленные ими доказательства не позволили национальным властям сделать вывод о том, что гуманитарная помощь, которую заявители оказывали курдскому населению, их предполагаемые взгляды или их содержание под стражей или жестокое обращение, которым они предположительно подверглись, могут угрожать им применением пыток или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением по возвращении¹⁹. Кроме того, Комитет напоминает, что сами по себе случаи нарушения прав человека в стране происхождения не являются достаточным основанием для того, чтобы сделать вывод о том, что тому или иному заявителю лично угрожает опасность применения пыток. Комитет отмечает, что заявители оспаривают, в частности, оценку государством-участником фактов и доказательств, включая показания X о предполагаемом сексуальном насилии, которому она предположительно подверглась, и информацию, содержащуюся в двух анонимных письмах от 10 июня и 17 сентября 2013 года.

9.8 Исходя из имеющейся у него информации, Комитет считает, что заявители не представили доказательств того, что иранские власти будут их разыскивать или что их деятельность имеет достаточное значение, чтобы привлечь внимание этих властей в настоящее время. Кроме того, они не доказали, что рассмотрение дела государством-участником было явно произвольным или равносильно отказу в правосудии²⁰. Комитет приходит к выводу, что информация, представленная заявителями, недостаточна для признания того, что в случае возвращения в Исламскую Республику Иран они лично столкнутся с предсказуемой и реальной угрозой применения пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

¹⁹ *И. Г. против Швейцарии* (CAT/C/65/D/822/2017), п. 7.8.

²⁰ *С. против Швеции* (CAT/C/65/D/691/2015), п. 10.

10. Комитет, действуя согласно пункту 7 статьи 22 Конвенции, приходит к выводу, что высылка заявителей в Исламскую Республику Иран не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции со стороны государства-участника.
